

СЕРГЕЙ ГОРБАТЫХ

ИСПОЛНИТЕЛЬ

КНИГА 2

Сергей Горбатов
Исполнитель. Книга 2

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Горбатов С.

Исполнитель. Книга 2 / С. Горбатов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-89-000705-1

В первой книге романа «Исполнитель» Александр Мальцев, студент Ленинградского педагогического института, в 1938 году был направлен в Испанию в качестве персонального переводчика советского военного советника Быкова И.Т. Во время отступления Республиканских войск Мальцева «забывают» эвакуировать, и он остаётся на территории, захваченной частями армии генерала Франко. Воспользовавшись документами своего погибшего друга Пабло Мачадо, Александру удаётся покинуть Испанию и попасть во Францию, где его, вместе с другими бойцами Республиканской армии, заключают в концлагерь «Архелес». Профессиональный советский разведчик, офицер НКВД, Некрасов Юрий Васильевич получает задание от самого Берия Л.П. сформировать запасную специальную группу для ликвидации Троцкого Л.Д. Некрасов «вычисляет» местонахождение Мальцева и вывозит того из концлагеря в Париж. Во французской столице Мальцев проходит курс специальной подготовки нелегального разведчика. Через несколько месяцев он уже готов, вместе с другими членами запасной группы, выехать в Мексику. Но ситуация неожиданно меняется. По приказу Берия Мальцева отправляют в Буэнос-Айрес для усиления советской нелегальной резидентуры. Перед отъездом Некрасов вручает Александру 1300 долларов США и необходимые инструкции. В Буэнос-Айресе Мальцев становится преуспевающим бизнесменом. Он открывает несколько мастерских по ремонту легковых автомобилей, автомойку и автосалонов, которые приносят очень хороший доход. Кроме этого у Александра обнаруживается талант оперативника-вербовщика. Ему удаётся завербовать нескольких агентов, поставляющих ценную информацию для органов советской разведки. Среди них: ответственный чиновник Парламента Аргентины, сотрудница МИД Аргентины и персональный водитель высокопоставленного государственного деятеля этой страны. Информация, которую они поставляют, касается

деятельности гитлеровской разведки на территории Аргентины в годы войны, попытках создания президентом Пероном Х.Д. атомной бомбы и новейших образцов сверхзвуковых истребителей в конце 40-х - начале 50-х годов. В 2 книге романа «Исполнитель» автор, также, рассказывает об аргентинских традициях и культуре того времени. Все события, описанные в романе, имеют реальную основу, за исключением главного героя и его ближайшего окружения. Для написания этого романа автор использовал большое количество документальной литературы, откуда им были взяты меморандумы МИД Аргентины, докладные записки командующего ВМС Аргентины президенту этой страны и т.д.

ISBN 978-0-89-000705-1

© Горбатов С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Горбатов

Исполнитель

Книга 2

Глава первая

После роскошной жизни в парижских гостиницах Александр оказался в чреве старого корабля.

Узкий коридор, ведущий в туалеты и душевые. Слева и справа – некрашенные двери в металлические норы, которые называли здесь каютами.

Мальцев читал журналы о пассажирских судах, книги о «Титанике» и всегда представлял каюты, как удобное жильё. Но здесь!!! Здесь это не было жильём. Узкие пеналы с втиснутыми в них кроватями в два яруса. Малюсенькое круглое окно, которое называли иллюминатором, железный шкаф... И всё!

Это тюремная обстановка начала его угнетать с первой же минуты, как он вошёл в каюту номер семь. Кроме Александра здесь находились трое мужчин со смуглой кожей.

– Добрый день, друг! – на скверном французском языке произнёс один из них.

Он был толстым, с чёрными усищами и выпуклыми глазами.

– Я – Мустафа! – добавил он.

Александр пожал руку, а затем представился другим спутникам. Сразу же выяснилось, что все они сирийцы и едут в Аргентину, навсегда, к своим родственникам.

Это рассказал Мальцеву Мустафа. Ему было лет сорок пять. Мустафа единственный, кто как-то мог выразиться по-французски. Остальные, двое его земляков, были ещё юношами, лет по 18–19 и говорили только на своём родном языке.

– Он есть мои племянники! Два племянники! – показал Мустафа два пальца.

Александр и Мустафа заняли нижние койки, а племянники сразу ловко забрались на верхние.

Судно качало. В каюте было душно. Александр открыл иллюминатор, чтобы её проветрить. Но тут же со своей кровати спрыгнул Мустафа:

– Не можно! Не можно! Вода входит! Вода входит! – лепетал он с выражением ужаса на лице и захлопнул круглое оконце.

Мальцев вышел в коридор. Он надеялся, что здесь будет посвежее. Но ни тут то было! В коридоре жутко воняло чесноком, потом и канализацией.

Ему показалось, что где рядом говорили по-русски. Александр прислушался. Голоса доносились из пятой каюты.

«Нет, это украинский язык!» – вздохнул он с облегчением.

На завтрак все пассажиры второго класса собрались в кают-компанию второго класса. И здесь Мальцев смог увидеть, с кем свела его судьба на пассажирском корабле «Хосе Менендес».

Две многочисленные еврейские семьи из Польши, две семьи из Западной Украины (входила в состав Польши), четверо молодых, лет по двадцать пять, с армейской выправкой хорватов и семья из Испании.

Завтрак был невкусным и убогим. Каша, жидкий кофе, сливочное масло и несвежий хлеб.

Мальцев наблюдал за испанцами. Он – мужчина лет тридцати пяти, она – очень худая, непричесанная с чёрными кругами под глазами... и двое дочерей лет восьми и шести...

«Мне надо от них надо держаться подальше. Если начнутся расспросы, то могут появиться какие-то общие знакомые с Пабло Мачадо, о которых я не имею никакого представления». – С опаской поглядывал на испанскую семью Александр.

После завтрака, украинцы, как-то очень быстро забрали оставшийся хлеб и исчезли.

Вскоре из их кают послышался запах чеснока и сала.

«Запасливые люди, что о них скажешь? А меня Быков Иван Терентьевич учил, учил, но я так и остался неприспособленным к жизни великовозрастным дурнем. Можно же было шоколада, чаю, печенья в дорогу купить? А я?»

Мальцев лежал на кровати и читал... Сирийцы громко разговаривали между собой.

Затем племянники, по команде Мустафы, расстелили на полу коврики и принялись молиться. Александр почувствовал себя лишним. Он закрыл глаза...

В распоряжении пассажиров второго класса имелись ваннные комнаты и туалеты как для мужчин, так и для женщин.

«Это очень хорошо! – пришёл к выводу Александр, принимая душ перед сном, – а то как бы делить эти места с женщинами? Проблематично...»

Утром Александр проснулся от странного шевеления. Он открыл глаза. Цепляя его кровать своими плечами, молился Мустафа, а рядом с ним его племянники.

– Неловко как-то мне в каюте находиться, когда они молятся. – Мальцев закрыл глаза.

После завтрака его остановил испанец.

– Здравствуйте! Я – Мануэль Гарридо, – он протянул Александру руку.

– Меня зовут Пабло Мачадо. – Александр деликатно пожал тому руку.

– Скажите, вы – республиканец? – Гарридо внимательно посмотрел ему в глаза.

– Да! – ответил Мальцев, ожидая дальнейших вопросов.

– Я так и знал! Очень приятно! Пойду обрадую мою супругу, что у нас на этом корабле есть земляк и единомышленник. – Радостно сообщил тот и ушёл.

«Не прошло и суток, а у меня появилась первая проблема. Надо держаться очень осторожно с этим Мануэлем и его женой».

На обеде, где вновь выдали невкусную и очень солёную еду, Гарридо был один. Он спросил у официанта разрешения забрать хлеб с собой:

– У меня что-то жена приболела и старшая дочь, не могут прийти...

– Да, конечно. – Ответил официант.

По вечерам сверху, где обитали пассажиры первого класса, доносилась музыка, а иногда даже и крики веселья.

«Живут же люди! – позавидовал Мальцев. – Но в тоже время есть и третий класс. Их палуба ещё ниже, у самой воды. Представляю, какой там ужас! Хорошо хоть «товарищ Серхио» смилостивился и разрешил мне ехать во втором классе».

Находиться целый день в душной каюте было невозможно. Сирийцы всё время говорили и говорили. Они не давали Александру ни читать, ни поспать днём. Мальцев вышел в коридор, дошёл до его конца, увидел лестницу, ведущую вверх, и поднялся по ней. Потом следовал ещё короткий проход и снова лестница. Он открыл двери, и... в лицо ударило ветром и запахом моря.

Александр оказался на маленькой палубе на корме судна. Везде висели таблички на нескольких языках: «В этом месте можно находиться только в светлое время суток».

«Оказывается сюда можно выходить пассажирам второго класса! А нас никто и не предупредил. Как здесь хорошо! Невероятно! Блаженство!»

Ветерок приятно бодрил. Вокруг корабля – бескрайняя Атлантика. Волны зеленого, бурого и серого цвета били в борта корабля. С надрывом гудели двигатели. От вибрации сильно тряслась палуба.

Мальцев сел на толстый, аккуратно скрученный канат.

«Не дождался меня Быков! Ох, Иван Терентьевич, Иван Терентьевич! Как из этого изменилась моя судьба. Сейчас бы я закончил институт, вступил в партию, писал бы, наверное, диссертацию... Все знали бы, конечно, что я воевал в Испании. Но об этом же нельзя говорить вслух, и все бы шушукались за моей спиной. Я был бы человеком – носителем великой государственной тайны! С ореолом загадочности... Прямая дорога к жизненному успеху! А вместо этого, я еду в какую-то Аргентину. Зачем? Насколько? Как сложится там моя судьба! Можно, конечно, жить и во Франции! Да мне хотелось бы! Но только, разумеется, с деньгами...»

Грустные думы Александра прервали чьи-то голоса. На палубу вышли четверо хорватов. Они все, как по команде, кивнули Мальцеву и расположились у самого борта. Достали папиросы и начали курить.

«А эти зачем едут в Аргентину?» – с каким-то интересом подумал Александр и стал прислушиваться.

Хорваты, старясь перекрычать шум двигателей, свист ветра, разговаривали очень громко. Они были уверены, что Мальцев их не понимает.

«Оказывается хорватский чем-то похож на русский». – С удивлением сделал для себя открытие Александр.

Он закрыл глаза и сделал вид, что дремлет. Хорваты начали спорить. Затем успокоились и, вдруг, стали кричать друг на друга. Александр немножко прислушался и смог различить слова и даже целые фразы:

- Турэмна служба... сложено али добро оплачиваямя...
- Погода на отоке... уж...
- Една сытня...

Часа через два они ушли, а Мальцев понял, что хорваты едут в Аргентину, чтобы устроиться работать по контракту охранниками в «какую-то жуткую тюрьму» на острове Огненная Земля. Двое из них уже раньше там «отслужили» по три года.

«Вот бред, а? Ехать на край света, чтобы работать в тюрьме! Странные желания у людей!»

Мальцев вспомнил, где на карте находится этот остров Огненная Земля. И вздрогнул.
«Оттуда же до Антарктиды рукой подать! Но, как я понял, заработки у них хорошие там. Но я ни за какие деньги в те места не поехал бы».

Теперь каждый день Александр, после завтрака, уходил на кормовую палубу, удобно устраиваясь на бухте толстого пенькового троса и смотрел в бескрайнюю водяную пустыню. Потом он обедал и вновь исчезал из каюты. Находиться с сирийцами было выше его сил. Много времени проводили на палубе и хорваты. Александр теперь о них кое-что знал, ведь эти ребята с военной выправкой, не скрываясь, разговорили о своей жизни и будущем.

«Запоминай, Паблито! Пригодится! Может быть». – Говорил Мальцев сам себе.

В один из дней здесь его и нашёл Мануэль Гарридо.

– Добрый день! – он протянул руку Александру и добавил уже шёпотом: товарищ!

– Вы, Пабло в каком воинском формировании Республиканской армии служили?

«Начинается! Надо быть очень осторожным!» – Мальцев напрягся.

– В бригаде подполковника Овьедо.

– Об этой бригаде я слышал, слышал... – произнёс Гарридо.

– Началось! – с тоской подумал Мальцев, – надо уводить его с этой темы.

– Пабло, вы, наверное, были офицером? – поинтересовался Гарридо, заглядывая ему в глаза.

– Что вы? Что вы? Я был обыкновенным шофёром. Грузовик водил. – Александр сделал жест руками, как будто крутя руль.

– А я тоже не был офицером! Просто служащий в отделе пропаганды в Министерстве обороны. – Сообщил о себе Мануэль и вновь, очень внимательно, посмотрел в глаза Мальцеву.

«Врёт, сволочь! Врёт! С такими повадками и пропагандист? Нет! Он точно – республиканский чекист!»

– А в Аргентину почему? – спросил Гарридо.

– А куда ещё? – вопросом на вопрос ответил Александр.

– А у вас есть знакомые в Аргентине? – продолжал его «пытать» Мануэль.

– Нет.

– Значит надеетесь на свои силы и молодость? – несколько презрительно, оттопырив нижнюю губу, сделал заключение Гарридо.

– Ага! – с видом простака кивнул Мальцев.

После этого разговора Гарридо потерял, почему-то, к нему всякий интерес. Этому обстоятельству Александр был очень рад.

Становилось очень жарко.

– Приближаемся к экватору, дружище! – на очень хорошем испанском сообщил Мальцеву один из хорватов.

– Я уже понял! Чувствуется!

В каюте, даже с открытым иллюминатором, невозможно было находиться. Александр, несмотря на предупредительные таблички, даже ночевал на палубе. Вместе с ним там почти всё время находились хорваты.

Остальные: украинцы и еврейские семьи, выходили только посмотреть на солнце, подышать свежим воздухом. А вот сирийцы, те всё время сидели в каюте.

На верхней палубе для пассажиров первого класса устроили большой праздник по случаю пересечения экватора. Музыка, крики, песни продолжались с раннего утра до глубокой ночи.

Ну а затем начались штормы. Корабль валился с борта на борт, потом с носа на корму... Снова с борта на борта, с кормы на нос...

Мальцева тошнило. Он ничего не ел. Его рвало... В каюте было душно, а палубу захлёстывало водой. Александр садился на лестницу в коридоре и, схватившись за поручни, проклинал свою жизнь.

«Когда мы с Быковым, вдвоём, сдерживали наступление марокканцев, мне было страшно. Очень страшно! Но я не мучался, как сейчас. А сейчас мне и страшно, и жутко. И от страданий хочется умереть. Выворачивает всего. Три дня не ем, а продолжаю блевать. Чем только? Интересно! Господи, какие страдания... Боже, помоги мне выдержать всё это».

Мальцев никогда не верил в Бога, как и его отец. Но вот мама... Она не ходила в церковь, но часто крестилась и знала молитвы. В их комнате, в самом дальнем углу, даже висела маленькая иконка с изображением Иисуса Христа. Папа делал вид, что её не видит.

В их семье никогда не говорили о религии, не упоминали Господа. Но вот, когда Александр оказался в Испании, в самые страшные моменты своей жизни, он, почему-то начал обращаться к Всевышнему. Так и сейчас, в этот жуткий шторм, Мальцев вновь стал просить милости божьей.

Когда «Хосе Менендес» ошвартовался у причала в порту Буэнос-Айреса, Мальцев был похож на скелета, обтянутого кожей серо-зеленого цвета. Впалые щёки, мешки под красными глазами...

– Слава Богу, приехали! – сказал Александр и, неожиданно для себя, перекрестился.

– Всем оставаться на своих местах! – раздалось хрипение из корабельных громкоговорителей. – Всем оставаться на своих местах! Всем оставаться на местах!

Мальцев, с чемоданом в руках, собрался было уже бежать к трапу. Остановился, как вкопанный.

– Ты, дружище, никуда не спеши! – усмехнулся усатый хорват. – Сейчас медицинская комиссия на борт поднимется. Сначала осмотрят пассажиров первого класса, а потом уже нас. В Аргентине, я хочу тебе сказать, никто и никогда не спешит.

Ждать пришлось часа три. Мальцев уже сходил с ума. Ему хотелось сойти на берег и забыть, как страшный кошмар, это путешествие.

– Пассажиры второго класса, поднимаются на верхнюю палубу. – Прохрипел громкоговоритель.

– Раздевайтесь, молодой человек. – Устало произнёс лысый дед в белом халате. – Полностью раздевайтесь!

– Вы что не доедали? У вас недостаток веса. Вам необходимо усиленное питание! Венерическими болезнями болели?

– Нет, сеньор доктор! – бодро ответил Мальцев.

– Туберкулёз?

– Нет, сеньор доктор!

– Перенесённые операции?

– Нет, сеньор доктор?

– Здоров! – корявым почерком вывел на листе бумаги лысый дед.

Когда Александр спустился на берег, уже смеркалось. Было холодно. Его бил озноб.

– Чего стоишь? Давай дуй в Отель для иммигрантов! – недовольно просипел толстый мужик в мундире с бляхой на груди.

– А где он, этот отель? – вежливо поинтересовался Мальцев.

– Так ты у его входа стоишь. – Мужик ткнул пальцем в двери огромного бетонного здания в четыре этажа.

Александр вошёл.

– Молодой человек, таможня и миграционное отделение уже закрыты. Завтра оформитесь! – вместо приветствия объяснил ему мужчина лет пятидесяти, в сером мундире.

– А сейчас, сейчас, что делать? – поинтересовался Мальцев, «придавленный» мрачной казённой обстановкой, царившей вокруг него.

– А сейчас, молодой человек, проходите в столовую. Вы как раз на ужин успели!

– Спасибо! – ответил Александр и пошёл прямо по коридору.

Огромный, нет не огромный, а просто гигантский, зал с длинными столами и лавками кишел людьми. Кого только здесь не было! Бородатые евреи в своих чёрных шляпах, украинцы в бараньих полушубках... Мужчины в пальто и пиджаках. Женщины, с лицами, закрытыми паранджой. Какие-то юноши в обветшавшей то ли гимназической, то ли военной форме. И дети, дети и дети.

От гула голосов, выкриков в этом зале стоял сильный шум.

Мальцев поздоровался и сел на свободное место, где стояли тарелка с кукурузной кашей, металлическая кружка.

– Сидай, хлопцець! Сидай сручно! – доброжелательно произнёс толстенький мужичок с обвисшими усами и подвинулся.

– Ишь! – он подал ему ложку.

Каша уже остыла, но была ещё съедобной.

– Це мисцевый чай. Называется матэ косидо. – Усатый налил в кружку Александру из пузатого чайника какую-то горячую жидкость зелёного цвета.

Мальцев с опаской сделал глоток.

– Ничего вроде, как чай, только горчит. – он насыпал сахару из миски, стоящей посреди стола. Потом показал пальцем на хлеб.

– Пожалуйста! – сказал он по-испански.

– Зараз я дам тобі хліба. – Усатый положил перед Мальцевым четыре куска светлого свежее выпеченного хлеба.

«Сколько же здесь людей помещается? – Александр стал осматриваться вокруг. – Не меньше 700, а может быть и 1000. Да, запросто, 1000 человек может в этой столовой одновременно принимать пищу».

– Ты тильки прыхав? – оторвал его от мыслей усатый.

Мальцев посмотрел на него и стал улыбаться.

– Ничого не разумиешь?

Мальцев продолжал глупо улыбаться, а затем пожал почему-то плечами.

– Хлопчына, ходымо зи мною! – усатый поманил его рукой.

Мальцев пошёл за ним. Они поднялись на второй этаж. Здесь, в таком же огромном зале, как и столовая, вплотную друг к другу стояли металлические двухъярусные кровати. Усатый повёл его куда в самую глубь этого странного помещения, больше похожего на склад. Потом остановился у одной из кроватей.

– Ось нагори одна лижко вильна! – усатый ткнул пальцем в верхнюю, – Мене звать Григорий. – Он протянул Александру руку.

– Я – Пабло! – ясно выговаривая все звуки, сказал Мальцев и пожал усатому руку.

– Ты испанец? – спросил Григорий.

Мальцев в ответ только кивнул.

Кровати не имели ни матрасов, ни подушек. На холодной металлической сетке лежал кусок толстого брезента и солдатское серое, дурно пахнущее, одеяло.

Мальцев взобрался наверх. Вместо подушки положил свой фанерный чемодан и начал смотреть вокруг. Почти все кровати были заняты. Какие-то старики в зипунах, круглолицые и бритоголовые мужички в тубетейках, подозрительные личности в костюмах, надетых прямо на голое тело...

«Здесь же вмиг обчистят! – вдруг подумал Мальцев, – вот я дурак, две недели маялся от безделья на корабле и не подумал о тайнике для денег! Вот тупица!» – ругал он себя.

Его обеспокоенный взгляд Григорий истолковал по своему:

– А жинки и диты сплять на четвёртому поверси. – Он показал пальцев в высокий потолок.

В девять часов электрический свет выключили, оставив тусклое ночное освещение. Все спали одетыми. Было очень холодно.

«Июнь месяц, а здесь пар из рта идёт». – Никак не мог понять Мальцев.

Было очень жёстко. Ото всюду слышался храп, вскрики, скрип кроватей...

Александр очень тихо открыл чемодан, достал оттуда пачку долларов и, переложив её во внутренний карман рубашки, застегнул его двумя большими булавками.

«Так надёжнее будет. А потом надо будет какой-нибудь потайной карман в пиджаке сделать...» – подумал он и заснул.

– Бам-бам-бам-бам-бам!

– Что это? – Мальцев подскочил на кровати. – Где это я? Что это?

Кто-то бил в то ли в рельсу, то ли это был звук колокола... Он не понял. Горел яркий свет.

– Подъём! – закричали по-испански. – Подъём! Шесть утра!

Умывальная комната была забита людьми. Александру удалось протиснуться к крану и умыться чуть тёплой водой.

Завтрак. Матэ косидо с хлебом. А потом Мальцев уже стоял в очередь в отделение таможни.

Здесь дело шло очень быстро. Сразу по десять человек подходили к длинному высокому столу, похожему на прилавок и клали на него свои чемоданы, узлы, корзины, тюки...

Таможенники просили открыть или развязать их, а затем, не скрывая своей брезгливости, ковырялись в вещах.

– Ваш паспорт! – попросил невысокий мужчина лет сорока в сером мундире.

– У меня нет паспорта. Вот у меня есть сертификат о предоставлении политического убежища, заверенный Консулом Аргентины во Франции. – Мальцев протянул таможеннику бумагу. – С печатями, как полагается. – Зачем-то добавил он.

– Давайте! – таможенник сверил фотографию с лицом Мальцева, затем очень внимательно, шевеля губами, прочитал текст.

– Мы с вами земляки! – объявил он.

– В каком смысле? – испугался Александр.

– Мои родители из города Оренсе. Галисия. Они приехали в Аргентину пятьдесят лет назад. – Объяснил таможенник.

– Ага. – Мальцев глупо улыбнулся, – чемодан открывать, сеньор...

– Нет, не надо! Идите и успехов вам на этой земле!

– Благодарю, вас! Спасибо! – Мальцев, схватил свой фанерный чемодан и побежал занимать очередь в отдел миграции.

Здесь была толпа, которая почти не двигалась. Александр сел на чемодан, облокотился на стену и стал дремать.

– У-У-У-У-У – завывала серена.

– Бомбить будут! Бомбить! – Мальцев вскочил и хотел было уже бежать, но затем опомнился:

– Вот дурак! Я же в Аргентине! Надо же, Испания вспомнилась...

Оказалось, что эта сирена приглашала постояльцев на обед.

Григорий уже сидел за столом. Рядом с ним – худая женщина, неопределённого возраста, парень лет семнадцати и девочка лет десяти.

– Цэ моя дружина. А цэ диты. – Кивнул он на них головой.

– Очень приятно! Меня зовут Пабло. Я из Испании. – выпалил Мальцев и изобразил на лице улыбку.

На обед давали рагу.

– Мясо смачне сьогодни! – с восторгом произнёс Григорий и достал из кармана широких штанов большую головку чеснока.

С хрустом разломил её на зубки.

– Ижте! – пригласил он всех.

Жена и дети потянулись за чесноком.

– Нет, нет спасибо! – вежливо отказался Мальцев.

– Это эстофадо. – Сказал он по слогам и ткнул пальцем в свою тарелку.

Григорий с женой ничего не поняли, а сын сразу же повторил:

– Эстофадо!

Рагу было очень вкусным. Много свежей говядины, тушёной с луком, морковью и картофелем. Григорий ел с огромным удовольствием, иногда, даже громко отрывивая.

А потом снова была эта бесконечная очередь в отдел миграции. Время приближалось уже к пяти. Александр даже пропустил полдник, чтобы не потерять свою очередь.

«Эх, не успею сегодня! Закроются сегодня и всё... Жди до завтра». – Переживал он.

Но Мальцеву повезло, его приняли последним.

За маленьким столиком сидел огромный мужик с синим хищным носом.

– Документы! – сказал он очень недовольно и посмотрел на наручные часы.

– Какие? – уточнил Александр.

Служащий посмотрел на него, как на полного идиота:

– Паспорт, сертификат о прививках, сертификат о состоянии здоровья, свидетельство о рождении, фотографии. Имеются?

– Да, да! Конечно! Только вот вместо паспорта у меня сертификат о предоставлении политического убежища.

– Давайте! – несмотря на Мальцева, почти рявкнул мужик.

Чиновник начал заполнять какой-то формуляр.

– Имена? – спросил он.

– Пабло Альберто.

– Образование.

– Один курс университета.

– Членом какой политической партии состоите? Коммунистической? – мужик внимательно смотрел в глаза Мальцеву.

– Нет! Нет! Вы что? Я не являюсь членом никакой партии. – Испуганно подскочил со стула Александр.

– Хорошо! – удовлетворённо протянул чиновник, – а теперь будем ваши пальчики откатывать.

Он достал из стола коробку с чёрной краской и другой формуляр. Теперь Мальцев прикладывал кончики своих пальцев к «подушке», пропитанной краской, а затем ставил их оттиски в определённой клеточке плотного листа, которую ему указывал сизоносый.

– Всё закончили! – с удовлетворением произнес чиновник и снова посмотрел на часы, – здесь поставьте свои подписи. – Он ткнул ручку в чернильницу и протянул её Александру.

– А как...? У меня пальцы все в краске. – Мальцев покрутил перед синим носом мужика своими ладонями.

– О брюки вытирай! – приказал тот и ещё раз посмотрел на свои часы.

– Как вы сказали? – не понял Александр.

– Ты, что испанского языка не знаешь? Вытирай о брюки, подписывай и уходи! Мой рабочий день уже закончился! – свирепо прошипел чиновник.

Мальцев, ужасаясь тому, что делает, быстро вытер руки о свои брюки. Подписал какие-то формуляры, а потом заполненные бланки.

– Готово! Очень хорошо! Вот держи эту справку. С ней пойдешь в комиссарию по месту жительства. Там тебе полицейские выдадут Седулу Национальной Идентификации. Это твой личный документ! Понял?

– Да! – Мальцев вскочил, схватил свой чемодан и почти бегом направился к выходу.

Ночью Александр раза три просыпался от жуткого холода. Июнь месяц, а здесь почти мороз. «Как так может быть? Постой, постой! А ведь Аргентина находится в Южном полушарии! Значит здесь сейчас зима!» – наконец-то дошло до него.

Утром, когда он выходил из здания Отеля для иммигрантов, служащий, стоявший на выходе, вручил ему картонную бирку с номером «155».

- А это для чего? – Мальцев крутил в руках эту четвертинку бумаги.
- Когда вы сегодня будете возвращаться, мне её вернёте. Это как бы пропуск.
- А понял, понял! Спасибо! Мальцев выскочил на улицу.

«Возвращаться в это ужасное место? Да никогда! Это, же сущий концлагерь!»

На тротуаре к нему бросились сразу несколько человек.

- Сеньор, очень хорошая пэнсьон! – дёрнул его за рукав один.
- У меня, уважаемый сеньор, самая лучшая пэнсьон в столице! Комнаты с окнами, солнечные. Светлые. – Кричал Александру прямо в ухо третий.

– А у меня тоже неплохая пэнсьон. Монастырик с небольшим количеством комнат. Могу сразу же вас отвезти, у меня авто за углом стоит! Не пожалеете, уважаемый!

Мальцев стоял посреди тротуара и ничего не понимал. «Какая «пэнсьон»? Какой «монастырик»?»

- Да мне прогуляться бы... – старался он отойти от окруживших его людей.
- Да, пожалуйста, гуляйте! Только потом к нам пожалуйста! – вкрадчиво прошептал тот, у кого «авто» стоял за углом, – возьмите только адресок. – Он сунул прямо в ладонь Александра какую-то бумажку.

Как по команде, все остальные протянули ему тоже клочки бумажек. Мальцев взял и быстро зашагал.

Проспект назывался «Коррьентес». Был он широк и многолюден. Море автомобилей, многие окрашены в черный цвет с жёлтой крышей и надписью «ТАКСИ». Рёв моторов, скрип тормозов, пронзительные звуки клаксонов. Да ещё караваны трамваев разных цветов с дзиньканием вылетали из боковых улочек и норовили наехать на зазевавшихся пешеходов.

У Александра даже голова закружилась от всего этого. Он шёл по тротуару, стараясь никого не толкнуть, и смотрел по сторонам. Высокие здания с чёрными пятнами влаги на стенах, яркие витрины, где продавалось абсолютно всё.

«Как в Париже, но как то уж очень серо и уныло. – Пришёл Мальцев к выводу. – Что такое «пэнсьон»? А – «монастырик»? Может быть я чего-то не понял? Ведь говорят они как-то очень странно! Аргентинцы думают, говорят по-испански. Но увы, это только похоже на испанский. Всё понятно, только сильно упрощено... Да, в Париже автомобильное движение правостороннее, как у нас в Советском Союзе, а здесь – левостороннее. Я читал и слышал, что в Англии тоже левостороннее движение. Руль в автомобилях находится с правой стороны! И как так можно ездить? Неудобно наверное?»

– Ой, простите, сеньор! – Мальцева толкнул продавец цветов с огромным букетом роз в руках.

- Ничего, ничего! У меня к вам один вопрос?
- Задавайте хоть тысячу! – прыщавый парень широко заулыбался.
- Что такое «монастырик»? Что такое «пэнсьон»?

– А сразу видно, что вы приезжий! Откуда вы? – продавец цветов, наклонился ближе, чтобы в уличном шуме расслышать ответ.

– Из Испании.

– Ух ты! Из Испании?! Воевали?

– Да! – Мальцева уже начал раздражать этот тип.

– Республиканец?

– Да!

– Я тоже за республиканцев! – с гордостью произнёс продавец цветов. – «Монастырик» – это дом или квартира, разделённая на комнаты – «пэнсьоны» – , которые сдаются всем желающим. За деньги, разумеется! Очень дешёвое жильё! Я бы вам рекомендовал. Я сам живу в «пэнсьоне», здесь, за углом. – Прыщавый махнул рукой куда-то в сторону. – Вы, меня простите, мне надо срочно доставить этот букет в одну контору. Мне заказали... Да, я работаю в этом цветочном ларьке. Вон на углу! Видите? Спросите Мануэля если меня, вдруг, не будет. Могу вам помочь!

– Очень приятно, Мануэль! Я Пабло! – Александр хотел было протянуть руку, но увидев, что его собеседник двумя руками держит огромный букет цветов, передумал.

– Увидимся, Пабло! – продавец цветов быстро зашагал в противоположную сторону.

«А у кого бы спросить насчёт денег? Мне надо будет поменять доллары на местные песо. «Мой дядюшка» мне долго рассказывал в Париже, как это сделать. Но лучше бы спросить у местного! А если я нарвусь на афериста? Что теперь у первого встречного спрашивать, где лучше поменять деньги? Нет, надо самому осмотреться!»

Банки находились в каждом квартале. «Банко Насьон», «Муниципальный банк», «Провинциальный банк», «Лондонский банк», «Ипотечный банк», «Французский банк»...

Двери Банка «Ла Плата» показались Мальцеву самыми скромными. Он решил зайти туда и спросить. В окне была выставлена чёрная доска, наподобие классной, только меньших размеров, на которой мелом был написан сегодняшней курс аргентинского песо.

«Французские франки – их у меня нет. Фунты стерлингов Великобритании: один фунт покупают за 18 песо 75 сентаво, а продают за... Их у меня нет... Ага, вот доллары США! Продажа 3 песо 80 сентаво. Покупка 3 песо 60 сентаво. Это много или мало?»

– Сеньор, – вдруг послышался за спиной вкрадчивый голос, – у вас какая валюта?

Мальцев резко обернулся. Перед ним стоял невысокий мужчина лет пятидесяти. Одет он был просто великолепно: длинное модное пальто нараспашку, костюм чёрного цвета, в красном галстуке виднелась массивная золотая закладка, шляпа...

«В Париже не часто встретишь мужиков, так одетых. – Машинально отметил про себя Александр. – Доллары, а что?»

– Видите ли, что этот банк, как и все остальные, предлагает очень заниженный курс. А я вам даю значительно выше. – Объяснил мужчина.

Его вид почему-то вызывал у Мальцева доверие, и он решился продолжить с элегантным мужчиной разговор.

– Какой же?

– 4 песо 50 сентаво за доллар.

– На 90 сентаво больше предлагает. Это, наверное, много?

– Хороший курс... – неопределённо ответил Александр.

- Конечно! Вы сколько долларов хотите продать?
- Сто... – как – то нерешительно сказал Мальцев.
- Замечательно! – обрадовался мужчина, – пойдёмте со мной!
- А куда, – насторожился сразу Александр.
- А вот видите, напротив, вывеска «Обменная касса». Там и продадите свои сто долларов. Только без квитанции, разумеется.
- Давайте! – решил рискнуть Мальцев.

В конторе обменной кассы красивая девушка отсчитала Александру 450 песо.

- Спасибо! Приходите ещё! – улыбнулась она.

Мальцев шагал по улице и думал:

«Ничего не пойму. Напротив банка официально работает обменная контора с более выгодным курсом! Почему? Странно...»

Странности продолжались... Когда Александр увидел красивую большую вывеску «Шоколадница», он подошёл к витрине. Это было кафе. За столиками сидели хорошо одетые мужчины и пили кофе. А на столах у них в хрустальных вазах лежали круассаны, куски тортов и пирожные. Такого изобилия кондитерских изделий Мальцев не видел даже в Париже.

«Ох и красота! Самое время выпить кофейку с чем-нибудь таким, только не с круассаном, а вот... Я сейчас выберу сам!»

Александр вошёл в кафе. В ноздри так ударило запахом разных вкусов, что он зажмурил глаза...

- Молодой человек! – раздался строгий голос.

Мальцев открыл глаза. Перед ним стоял какой-то тип в белом переднике, и такого же цвета шёлковой рубашке...

- Вы чего-то хотите?

- Да, хочу выпить чашечку кофе с пирожными и...

– Сожалею, но у нас нет мест! Всё занято! – с наглым видом сказал мужик в белом переднике.

- Как нет? Да у вас столы пустые, без посетителей! – возмутился Мальцев.

– Это места для кабажеров в пиджаках и галстуках! – пояснил мужик и по хамски показал ему пальцем на улицу. – Вы хотите, чтобы я позвал полицейского?

– Нет, не хочу! – буркнул Александр и вышел. «Сволочь! Говорить ещё не научился: «кабажеро»! Кабальеро – так произносят в Испании! А не кабажеро, как здесь! Тьфу! Сволочь!»

Мальцев остановился у одной из стеклянных витрин и посмотрел на себя. Его брюки были не только с чёрными пятнами (ведь он вчера вытирал об них свои грязные пальцы, но ещё и оттопыривались на коленях. Пиджак – жутко мятый. Он же в нём спал! Несвежая рубашка... А галстук? У Александра его вообще не было! Нечищенные ботинки... Да и физиономия: Небритая, с серыми пятнами под глазами...

«А может быть это тип из «Шоколадницы» и прав! Я больше похож на ленинградского пролетария, чем на... А вообще кто я такой? Не знаю до сих пор. Да и спать в одежде, а потом ходить в ней? Кошмар... Да и запах наверное от меня уже исходит...» – он начал нюхать рукава пиджака.

Прежде, чем предпринимать какие-либо действия, Мальцев решил собрать максимум информации. Первым делом его интересовал вопрос: сто долларов – это много или мало?

Александр шёл по проспекту Корьентес и внимательно изучал витрины магазинов. Вот, например, бельгийские жёсткие коврики, которые кладутся у порога. Об них вытирают подошву. Цена 1 песо 60 сентаво. А вот лёгкие тонкие одеяла, почти чистый хлопок, из Голландии. Стоят всего 1 песо 50 сентаво.

Особенно долго Мальцев изучал цены магазина верхней одежды. Внутри он войти не решился, поэтому стоял и без всякой спешки рассматривал всё то, что было выставлено на витрине. Рубашки из хлопка 4 песо, рубашки шерстяные с добавлением хлопка от 5 песо до 8 песо. А вот тоже самое, но со скидкой. По 2 песо! Почему? Шикарное пальто всего 39 песо 80 сентаво...

Он бродил по улицам и всё очень внимательно изучал. Ориентироваться, кстати, здесь было очень легко. На каждом перекрёстке стояли столбики с железными чёрными щитами. На них было написано наименование улицы и нумерация. В каждом квартале было всего сто номеров. Мальцев понял это почти мгновенно. Осталось запоминать. А память у него была великолепная!

На проспекте Ривадавия 1300 в магазине «Каса Сэлада и Компания» в витрине висело объявление «Снижены цены на следующие продукты:

Растительное масло «Диоген», банки по пять литров – 4 песо 80 сентаво.

Чай «Цейлон», пачки по 200 граммов – 2 песо 60 сентаво.

Консервы. Сардины. – 50 сентаво».

А рядом, в вино-водочном магазине, его взгляд не мог охватить всего изобилия бутылок, этикеток и названий. Виски John Vegg, импортированы из Шотландии, литровая бутылка стоила 10 песо 90 сентаво.

«Так сто долларов – это же огромные деньги!» – наконец сделал Мальцев вывод, и настроение у него резко улучшилось.

Через каждые двадцать метров стояли цветочные или газетные ларьки. Возле них всегда толпились люди. Одни покупали, другие читали газеты или просто беседовали с продавцами. В узких боковых улочках было относительно тихо, а вот на проспектах таких, как Корьентес, Ривадавия, Кордоба от рёва автомобилей, автобусов, дребезжания караванов трамваев хотелось закрыть уши.

В одной из аптек Мальцев купил флакон одеколona «Аткинсон. Жёлтая этикетка» за 2 песо 50 сентаво. Флаконы были четырёх размеров. Маленький стоил 50 сентаво, а самый большой – 7 песо 50 сентаво.

– Этого мне пока хватит! – тихо сказал он сам себе и, спрятавшись за тумбу, заклеенную толстым слоем афиш, вылил на голову и внутрь пиджака почти четверть пузырька.

Стал моросить дождь. Сначала мелкий, еле видимый, а потом с неба полились потоки воды. Всё вокруг стало ещё более серым и тоскливым.

Надо было где-то укрыться, да и в желудке чувствовалась уже пустота.

«Сандвичерия. Еда на ходу. Заходите!» – увидел Александр уже начавшую ржаветь железную вывеску. Узкая дверь была открыта.

«А если и отсюда погонят?» – мелькнула мысль.

В печи, накрытой решёткой, тихим пламенем тлели дрова. Вокруг неё, за высокой стойкой сидели, люди. Мальцев присмотрелся. На некоторых поношенные костюмы. Другие были одеты в куртки. Многие с галстуками. Одни мужчины.

«Это конторские служащие. Наверное из малооплачиваемых». – Понял Александр.

В помещении было сухо и жарко. Мальцев устроился на высоком табурете за стойкой. Обслуживали трое молодых людей. Они принимали заказ, а затем снимали с решётки куски, жарящегося мяса, ловко отрезали от них ломти и подавали клиентам.

Всё делалось очень быстро. Многие клиенты, очевидно, были знакомы и поэтому тихо разговаривали друг с другом. От этого в помещении стоял лёгкий гул.

– Дружище, ты что будешь? – спросил у него самый молодой официант в белом, с рыжими пятнами, колпаке.

– Дай мне одну колбаску! – Мальцев ткнул пальцем в связки толстеньких колбас, выглядевших очень аппетитно.

– Это чорисо, дружище! – пояснил парень и мгновенно поднял ножом колбаску с решётки.

Затем он одним движением разрезал её напополам, выхватил откуда-то четверть батона. Разрезал его и вложил внутрь чорисо.

– Держи, дружище! Пить что будешь?

Мальцев посмотрел на соседей. Все пили воду.

– Им на работу сейчас, поэтому употребляют только содовую. А тебе, дружище, предлагаю вина. Очень хорошее! Стаканчик, чтобы чорисо лучше до желудка долетела! – парень заулыбался.

– Давай! – согласился Мальцев.

Парень в колпаке снял с полки огромную пузатую бутылку. Одним махом наклонил её, и невысокий пузатый стакан уже был полон тёмного красного вина.

– Приятного аппетита!

– Спасибо! – улыбнулся Александр.

Колбаска ему показалась не просто вкусной, а настоящим яством. В меру поперчённая и посоленная, пожаренная так, что пускала сок, им была съедена почти мгновенно. Мальцев даже забыл о вине.

– Дай как мне ещё одну! – попросил он.

– Я так и знал, дружище, что тебе понравится! – довольно крикнул парень в белом колпаке.

Пока Александр ждал, когда ему подадут чорисо, он медленно тянул вино. Оно было очень терпким и кислым.

«Гадость!» – поморщился Мальцев и начал смотреть по сторонам.

Оказалось, что за его спиной, в глубокой нише, стояли три маленьких столика. За ними тоже сидели люди. Вообще «сэндвичерия» была сейчас забита людьми.

«Обеденный перерыв! Видишь, как народ сюда идёт! Хозяин, наверное, хорошую прибыль имеет. Может быть и мне открыть подобную забегаловку?» – думал Мальцев.

Из-за столика в нише поднялся мужчина лет пятидесяти. С животиком и мощной шеей. Он подошёл к стойке и, достав из кармана затёртый кошелёк, принялся считать монеты. Рассчитался. И вновь стал считать... Очевидно, что ему не хватало...

– Уважаемый, вы мне позволите вас угостить? – широко улыбаясь, обратился к нему Александр.

Тот внимательно осмотрел Мальцева и произнёс:

– Ну если у вас есть желание, то почему нет?

Через минуту они сидели за столиком. Мужчину звали Карлос. Был он очень крепким человеком. Большие сильные руки, широкая спина. Русые волосы, тёмные глаза... Красный крупный нос выдавал в нём любителя алкоголя.

Мальцев заказал сэндвичи с васио – говяжья вырезка. А также бутылку вина и графин содовой. Потом ещё сэндвичи с бондьюлой (со свиной). Затем сэндвичи с чорисо и ещё бутылку вина.

Пил, в основном, Карлос. Говорил только он, а спрашивал Мальцев. К пяти часам вечера Александр уже знал самые необходимые вещи: как снять жильё, как искать работу, где покупать еду, а где одежду...

Оказалось, что Карлос преподавал столярное дело старшеклассникам средней школы, которая находилась в пяти кварталах от сэндвичерии.

– Вишь, Паблито, я работаю до 12.30, ну а потом сюда заглядываю. Обедаю, винцом балуюсь. Живу я в пригороде. Лянус называется. В доме тестя. С ним там не выпьешь и не поговоришь.

Кроме полезной информации, Мальцев уже начал иметь представление о привычках аргентинцев.

Расстались они в начале шестого. Ну улице моросил мерзкий холодный дождик. На улицах уже горели фонари. Витрины магазинов привлекали внимание своими неоновыми вывесками и ярко освещёнными витринами.

– Ты, Паблито, – мой друг! Если захочешь увидеть меня, спроси в школе. Будет нужна помощь, обращайся всегда. Если какой-нибудь совет – тоже! – с трудом произнося слова, говорил и говорил без остановки Карлос.

Мальцев помог своему знакомому сесть в трамвай и пошёл искать место, где можно было остановиться. Он достал из кармана записки с адресами, которые ему насильно всунули в руки сегодня утром возле Отеля для иммигрантов.

«И так, где здесь самый ближайший «монастырик»?»

Минут через десять Александр стоял у облезлой двери с надписью «Семейный отель Гонсалес и братья». Он вошёл... В нос ударил тошнотворный запах прокисшей еды и нечистот. Мальцев поёжился:

«Куда же это я попал?»

Александра встретил тот самый зазывала, который утром обещал его доставить сюда на своём «авто».

– Я рад, что вы сделали правильный выбор! – вымученно улыбался этот лысый невысокий мужичок.

«А я не очень!» – подумал Мальцев, вспоминая рекомендации Карлоса «В «монастырик» если есть деньги, селиться не стоит. Там сложная жизнь».

Повсюду слышался детский крик. Громко ругались женщины на каком-то гортанном языке... И вонь нечистот...

«А может уйти? Найти дешёвую гостиницу? Или вернуться в Отель для иммигрантов? – думал Александр. Но выходить на улицу под дождь не было никакого желания. – Ладно переночую здесь! Не умру!»

– Пойдёмте со мной! Я вам покажу все «пэнсьоны», которые ещё свободны. – Сказал лысый.

Они шли по каким-то коридорам, коридорчикам. Повсюду двери в комнаты.

– Уважаемый, а что здесь раньше располагалось? – поинтересовался Мальцев.

– Здесь раньше жил очень богатый человек, который переехал со своей семьёй в другой район. А из этого дома он сделал семейный отель. Сдаются комнаты – «пэнсьоны». Здесь на каждом этаже есть общая кухня и один туалет. Вот ванной и горячей воды, к сожалению, нет.

«Так это коммуналка! Настоящая ленинградская коммуналка! Вот куда я попал!» – наконец – то понял Александр.

– Вот я вам могу предложить, – лысый открыл фанерную дверь.

Они вошли в узкий чулан без окна. Металлическая кровать, тумбочка и шкафчик и узкий проход между ними.

– Всего один песо в сутки! Очень выгодная цена! – заливался лысый.

– Нет, мне надо с окном! – со злобой в голосе попросил Мальцев.

– Есть и с окном! Пойдёмте!

Другая «пэнсьон» с такими же размерами имела небольшое окно и большое серое пятно от влаги на потолке. Но здесь стоял ещё и колченогий стул.

– Самая лучшая в нашем отеле! – с гордостью произнес мужичок, – но дороже! Песо и двадцать нет, нет: песо и сорок сентаво за сутки, мгновенно увеличил он цену.

– Раз самая лучшая, то я выбираю эту комнату. Вот вам за сутки оплата! – Александр протянул тому банкноту в два песо.

– Нет, нет, молодой человек, как минимум, вы должны оплатить за трое суток проживания! – возмутился лысый.

«Вот сволочь, надул! Правильно мне сказал Карлос: «В этом городе надо быть готовым к тому, что тебя в любой момент могут обдурить и обокрасть. Здесь полно аферистов!»».

– Держи! – он сунул лысому пять песо.

Мальцев разделся и лёг. Сразу заснул.

– Ты, шалава! – разбудил его мужской голос за стенкой, – я тебя убью, если ты ещё раз на этого козла посмотришь!

– Я ни на кого не смотрела! – оправдывался женский голос.

– Я видел, шалава! – раздался удар, ещё удар.

Послышалось, как кто-то упал на пол. А потом раздался громкий женский плач.

За другой стенкой начал громко хныкать ребёнок. Сверху раздавался стук молотка.

Спать было невозможно.

– У, шалава, прибью тебя! – вновь раздался мужской голос.

– Не надо! Не надо! – женщина уже кричала.

– Я сейчас полицию позову! – послышался крик откуда-то из коридора.

Мальцев заснул. На рассвете он подскочил от того, что всё тело почему-то горело огнём и чесалось.

«Вот твари! Клобы! – он изучал свои красные пятна на руках, ногах и животе. – Клоповник!»

В восемь утра он выбежал из «монастырика» с чемоданом в руках, проклиная всех на свете и самого себя в том числе.

В начале десятого в огромном торговом центре «Harrods» на улице Флорида 827, Мальцев купил шикарное пальто чёрного цвета.

– «Паблито, в «Harrods» одеваются все самые богатые люди нашей страны. Цены там просто сумасшедшие! Но если ты пойдёшь туда к открытию, то тебя ждут приятные сюрпризы. Каждый день там делается скидка на очень хорошие товары. Скидка длится часа два, а может даже меньше. Тебе надо действовать очень быстро. – Так посоветовал ему Карлос. И Мальцев был тому очень благодарен.

«Этот мужик, знает очень много. Практичный человек!» – признал это Александр, когда заплатил за пальто вместо 90 песо всего 49! А за синий костюм в полоску всего 35. А настоящая его стоимость была 72 песо.

В другом магазинчике Александр купил дешёвый чёрный костюм, дюжину рубашек, галстуки, две шляпы, чёрные ботинки и очень приличный чемодан «под кожу».

Мальцев переоделся, вылил на себя ещё четверть флакона одеколona. Затем хотел выбросить своё старое тряпье, но потом передумал. Сложил его в чемодан. По пути, в какой-то обменной конторе, поменял двести долларов. Где-то около часа он остановился у витрины фирмы по недвижимости. В Аргентине они назывались инмобиляриями.

Эта фирма демонстрировала всем свой престиж и высокий уровень обслуживания. Мраморные полы, картины в дорогих рамах на стенах, кожаные новые диваны, письменные столы из красного дерева.

Называлось это великолепие «Инмобилярия Ла Плата». Все ушли на обед, в конторе только остался один юркий старичок.

– Я вам готов показать, что у нас есть для аренды. – почтительно просипел он, поздоровавшись с вошедшим Мальцевым. – Вы какие параметры желаете? Три комнаты, четыре, две?

– Думаю, что двухкомнатная квартира меня вполне устроит. – Ответил Александр, вальяжно устраиваясь в глубоком кресле.

– А в каком районе?

– Недалеко от какого – нибудь важного транспортного узла. Мне придётся много ездить, поэтому...

– Понимаю вас, понимаю, сеньор.

– Мачадо Пабло Альберто. – представился Мальцев.

– В шести кварталах отсюда находится важнейший железнодорожный вокзал Конститушон. С него все поезда идут на юг провинции и на юг страны. Также есть линия «С» столичного метро, по которой вы можете легко доехать до других транспортных узлов. Например до Ретиро или до станции Онсе.

– А цены аренды каковы?

– Всё зависит от квартиры, от ремонта, от года строительства здания... Вы же понимаете? Но двухкомнатная, самая простая, будет стоить в районе 45 песо в месяц. Цена аренды самой шикарной двухкомнатной может доходить до 70.

– Согласен. Можем посмотреть?

– Да, конечно! Но у меня к вам сеньор, Мачадо, вопрос: вы располагаете гарантией?

– Какой гарантией? Я только несколько дней нахожусь в Аргентине, поэтому не знаю ещё многих вещей.

– У вас есть знакомый или родственник, который владеет недвижимостью и может выступить вашим поручителем, то есть гарантом?

– А зачем? – глупо уставился на старичка Мальцев.

– Как зачем? А если у вас возникнут, не дай Бог конечно, господин Мачадо финансовые трудности, то кто будет платить за квартиру?

– Если у меня возникнут трудности, то я просто съеду с неё и всё! – начал объяснять Александр.

– Ну, сеньор Мачадо, все так говорят... Но увы, мало, кто делает.

Существует также закон, который регулирует права владельца жилья и арендатора, а также посредников, которыми являются inmobiliarias. – старичок неожиданно замолчал.

Было видно, что он огорчён, потому что «срывался» такой важный клиент.

– А вы можете, сеньор Мачадо, заплатить за всё то время, на которое думаете снимать жильё? – с тоном надежды в голосе поинтересовался старичок.

– Конечно! – быстро ответил Мальцев.

– Великолепно! – подскочил с кресла старичок, – пойдёмте, я вам покажу!

Они ходили по квартирам, смотрели, обсуждали. Наконец Мальцев остановился на двухкомнатной квартире в доме на проспекте Монтес де Ока 285.

– Эта мне очень нравится! – признался Александр.

– Да, очень хорошая! Да и место стратегическое! Ведь до метро и железнодорожного вокзала отсюда всего четыре квартала.

Они вернулись в inmobiliaria. Здесь на своих местах сидели уже все клерки. Кто-то печатал на машинке, кто-то беседовал с клиентами.

Появился то ли хозяин недвижимости, то ли управляющий и пригласил Мальцева в свой кабинетик.

– Насколько вы хотите арендовать квартиру? – спросил он, разглаживая свои шикарные бакенбарды.

– На шесть месяцев! А сколько стоит один месяц аренды? Вы мне так и не сказали! – изобразив недовольство на своём лице, обиженно произнёс Александр.

– Всего 60 песо! Плюс 60 песо наши услуги, плюс 60 песо – страховка. – Шмыгнув носом тот достал счёты и начал перебирать косточки.

– 480 песо! И вы сейчас же получаете ключи!

Мальцев уже не стал спрашивать о том, что такое страховка. Он чувствовал жуткую усталость, и ему хотелось есть. Ведь он сегодня не завтракал и не обедал. Александр достал деньги и вручил их мужику с бакенбардами. Тот, не скрывая своего удовлетворения, широко заулыбался.

Возле своего дома Мальцев зашёл в какой-то ресторанчик. Заказал миланесу (говяжьё отбивную) с жареным картофелем, салат и чай.

Когда он открыл дверь квартиры, ему хотелось только одного: спать.

«А где же можно прилечь? Вот я идиот! Надо было с мебелью жильё искать! А если в этой старой мебели живут разные паразиты?» – он содрогнулся.

– Нет, уж лучше новую купить! – тихо сказал Мальцев.

Спать Александру пришлось на кипах старых газет, которые он нашёл в платяном шкафу. Тишина, покой. Иногда с улицы слышалось дребезжание проходящих трамваев.

Мальцев хотел было поразмышлять о странных зигзагах своей жизни...

Он проснулся от того, что солнечные яркие лучи били ему прямо в глаза.

– Который час? – он посмотрел на часы. – Ничего себе, 10.30!

Александр вскочил, умылся, побрился и выскочил на улицу. Три дня с утра до вечера он искал, покупал и привозил в своё жильё самую необходимую мебель: кровать, этажерку, стулья, письменный стол. А также всё для кухни: чашки, вилки, ножи, тарелки, кастрюли, кофемолку...

Для оплаты за всё это имущество ему пришлось вновь продавать доллары. Каждый раз, когда он это делал, ему вспоминался «товарищ Серхио» и его предупреждение: не кидать на ветер деньги.

«Но я должен устроить мои жизненные условия удобными и, по возможности, приятными! А потраченные на себя деньги я верну! Заработаю и верну! Вообще-то я человек государственный». – Мальцева мучала совесть.

Наконец с устройством жилья было закончено. Александр надел свой синий новый костюм в полоску, белую рубашку, повязал галстук. Длинное пальто, шляпа, ботинки...

Он посмотрел на себя в зеркало и свистнул от удивления:

– Мама дорогая! Ай да красавец! Уши вот оттопыриваются, да и рост подкачал, а остальное ничего. Как хорошая одежда красит человека!

Александр взял такси.

– В кафе «Шоколадница» – тоном барина сказал он, устраиваясь на заднем сиденье «Форда».

- А вам в какое? – уточнил водитель.
- Как в какое? А их, что много?
- Да, есть на проспекте Коррьентес, есть на улице Флорида, есть на углу...
- В то, которое на Коррьентес!

У двери в «Шоколадницу» стоял тот самый мерзкий тип, который не разрешил Александру войти туда несколько дней назад.

- Не говоря ни слова, Мальцев толкнул дверь и уже поставил одну ногу внутрь помещения.
- Сеньор, сеньор! – ринулся к нему этот мерзкий тип, – сюда нельзя!
- Почему нельзя-зя-зя! – свирепо спросил Александр.

- Прошу прощения, но вы, наверное не увидели табличку! – согнулся перед ним тип.
- Какую такую табличку?

Служащий молча ткнул своим указательным пальцем в кусок картона, приклеенный к витрине «Есть места для дам».

- Ну и что? Я что вашим дамам помешаю! – «закипая», возмутился Мальцев.
- Сеньор, сегодня всё помещение нашего кафе предназначено только для женщин! Мужчины не имеют права входить! Вы, наверное, иностранец поэтому можете этого не знать. – Тихим голосом объяснил ему тип.

– Хорошо! Зайду как-нибудь потом! – буркнул Мальцев, повернулся и зашагал по проспекту.

«В этом городе царят очень странные порядки. Надо их изучить и понять, как можно быстрее! Да, самое главное, надо научиться говорить на местном жутком диалекте. Пора начать становиться аргентинцем». – От злости ему даже захотелось плюнуть на тротуар.

Мальцев разработал план быстрой адаптации. Теперь он каждый день посещал разные кафе, рестораны, забегаловки. Старался ходить пешком, чтобы хорошо ориентироваться в столице.

По утрам Александр, с иголки одетый, завтракал в каком-нибудь дорогом кафе или ресторане.

Он внимательно наблюдал, как делают здесь заказ официантам. Как к ним обращаются. Что едят на завтрак, сколько оставляют чаевых. Также присматривался к тому, где удобнее сесть, чтобы держать под наблюдением всё помещение. Где расположены туалеты. Есть ли запасные выходы.

Мальцев быстро пришел к выводу, что богатые люди приходят в эти места, чтобы поесть, почитать газеты, выкурить сигару. Общаются очень мало, да и то только со своими знакомыми или друзьями.

Александр подслушивал их беседы, их содержание его разочаровывало. Никакой полезной информации! Общие слова о семье, церкви, иногда, о политике. Но самое главное, что эти богатеи не хотели идти на контакт с незнакомыми людьми! Мальцев несколько раз под разными предложениями пытался начать диалог с некоторыми из них. Но уввы? Они отвечали односложно, а затем, извинялись и продолжали поглощать еду или читать свои шуршащие газеты.

Александр, тоже, заказывал чашечку кофе два или круассана, которые здесь называли медиалунами (половинками луны), брал газету, в основном «Ла Насьон», и начинал читать, пить и есть. Сначала было очень сложно делать столько дел одновременно, но вскоре Мальцев припривык, да ещё успевал и наблюдать за посетителями.

Обедать Александр старался в тех ресторанах, где ели банковские служащие высокого ранга, государственные чиновники среднего уровня, управляющие иностранных компаний.

Тогда там говорили на многих языках. Мальцев слушал, но увы... Ничего. Завязать знакомств тоже не удавалось...

А вот вечерами он переодевался в дешёвый чёрный костюм, утеплённую куртку. Надевал ботинки на толстой подошве, немного помятую шляпу. Садился на трамвай и, за 3 или 5 сентаво, доезжал до пролетарского района: Ла Бока, Новая Помпея, Барракас. Здесь на плохо освещённых улицах, в каждом квартале, располагались «Альмасены». Мальцев побывал в некоторых из них, где оставил о себе очень приятные воспоминания.

«Альмасен» – магазин, где торговали хлебом, керосином, крупами, спичками, маслом... то есть всеми самыми необходимыми продуктами для жителей близлежащих домов. Но это делалось только в передней части помещения. А вот в задней! Там находилась забегаловка на пять – десять малюсеньких колченогих столиков и таких же стульев. На барной стойке величественно возвышались толстые бутылки «Дама Хуана» с самым дешёвым вином. Графины с содовой. На полках – бутылки с пивом и вином подороже. На закуску здесь подавалась «пикада»: резаная колбаса, дешёвые сыры и окорока.

Сегодня Мальцев наугад зашёл в альмасен на углу улиц Альварардо и Санта Магдалена.

Задняя половина была забита людьми. Играли в карты, проигравший обязан был угостить всех присутствующих стаканчиком вина. Какой-то небритый мужик с длинными волосами в засаленном костюме брэнчал на гитаре. Шум, гам... Всё помещение «тонуло» в синем табачном дыму.

Пролетарии отдыхали после рабочего дня, не желая возвращаться в крохотные «пэнсьоны», где их ждали недовольные жёны и крикливые дети.

Над барной стойкой на цепи висел кусок кровельного железа, на котором затейливыми буквами было написано:

«Меня не интересует количество денег в вашем кармане».

– Добрый вечер! – поздоровался со всеми Мальцев.

– Привет! Проходи! Садись! – раздались в ответ несколько пьяных голосов.

– Ты, чё будешь? – поинтересовался толстый мужик за барной стойкой, вытиравший грязной тряпкой липкие стаканы.

– Винца всем! Ну и мне тоже! – очень громко сказал Мальцев.

Наступила короткая тишина, а затем:

– Вот это человек! Пришёл, поздоровался и угощает! Не то, что некоторые скряги! Сам ты скряга! Ты это обо мне, «Зоркий»? Нет это он, наверное, обо мне. Я же его не угостил на прошлой неделе! – все закричали, перебивая друг друга. Только небритый продолжал брэнчать на своей гитаре, да игроки азартно кидали засаленные карты на столик.

Все успокоились, когда официант, на большом железном подносе со стаканами тинто – красного вина-, вышел из-за стойки.

– Тебя как звать, чавон? – поинтересовался худой тип в рваном пиджаке с татуированной шеей.

На левом глазу у него было большое бельмо.

– Ох, а пикада? Для всех присутствующих пикаду тащи, уважаемый! – снова, громко перебивая шум и не обращая внимания на бельмастого, крикнул Александр.

– Во-о-о-о! – ты откуда? Наш человек! Я его кажется знаю? – к Александру подошёл русоголовый крепыш с сильными руками.

– Не, не-е! – уставился он своими пьяными глазами прямо в лицо Мальцеву, – обознался я, дружище. Прости!

– Чавон, ты вообще кто? С «гитой» я вижу! Прикид у тебя, как у «кота»! – снова пристал к Александру худой тип с бельмом на глазу.

– Этот, вообще нормального языка не знает. Говорит на люнфардо вперемешку с тюремным диалектом. Надо быть осторожным с ним.

– Да я работу ищу. Таковую, чтобы деньги иметь, а не уродоваться за пару монет. – Ответил Мальцев с лёгкой улыбкой.

– Ну если ты хошь жить, чтобы иметь карманы набитые «гитой», тогда надо «густить». Я – «сгусток», за что уже не раз сидел. Надо будет – ещё отсижу. Но гробиться, как раб, за несколько монет никогда не буду. – Сверля Александра своим единственным глазом, подчеркнул тот.

– «Сгусток» – это вор. «Густить» – воровать». – Сразу же перевёл на нормальный язык Мальцев.

– Ты знаешь, у меня в этом деле никакого опыта нет. – С ноткой огорчения в голосе признался Александр.

– У меня тоже не было! Ха-ха-ха-ха. – засмеялся громко бельмастый. – Меня все называют «Зоркий». Если нужен буду, то сможешь найти меня очень легко.

В этом альмасене Мальцев просидел до глубокой ночи. Он делал вид, что пьёт, но только мочил губы. Съел маленький бутерброд с ветчиной и слушал, слушал, слушал и запоминал. Через два часа он был знаком со всеми. Узнав, что он шофёр и ищет работу, стали предлагать свою помощь.

– А сколько платят? – спросил он.

– Ну если работать на грузовике и делать рейсы в соседние провинции, то можно срубить песо 150 в месяц, – объяснял Мальцеву мужик лет тридцати по имени Хуан, – ну для этого надо жить в этом долбанном грузовике.

– Да не заработаешь ты, Пабло, этих денег никогда, крутя баранку, – старался убедить Александра Мануэль, уже пьяный в доску мужик средних лет, одетый в новый серый костюм. – Хочешь я поговорю с моим начальником, чтобы тебя устроили на мясокомбинат. Я там давно уже работаю. Я, действительно, зарабатываю 150 песо, а шофера...

– Ты чё базаришь, чавонсито? Я, что вру? – взметнулся Хуан. – Да я...

– Да, успокойтесь, мужики! Давайте ещё по стаканчику? – предложил Мальцев.

– А чё? Давай, дружище! – радостно согласился Хуан, и его, рёвом радостных возгласов, поддержали все присутствующие.

– Официант, всем по стаканчику винца! – громким голосом сделал заказ Мальцев.

Александр взял липкий стакан: «Официант, сволочь, не моет! Только тряпкой протирает», – и брезгливо поднёс к губам.

Никто не обращал на Мальцева внимания, за исключением бельмастого. Тот продолжал «сверлить» Александра единственным глазом и ехидно растягивал в улыбке свои тонкие губы. Мальцев, чтобы не видеть этой мерзкой рожи, пристально смотрел на кусок фанерной доски, прибитой к стене. На ней с двумя ошибками красовалась «Старайтесь на пол ни пливать».

Дома Александр принял горячий душ, выпил чаю. Его начало клонить в сон. Но он достал большую толстую тетрадь в клеёнчатом переплёте, сел за письменный стол и принялся за работу.

Тетрадь была поделена на три части. В первой Мальцев, каждый вечер, подробно записывал, что он сделал за день, где побывал, с кем познакомился. Делал план улиц и проспектов. Записывал адреса магазинов и ресторанов, кафе.

Вторая часть являлась словарём люнфардо, и устоявшихся выражений, которыми пользуются коренные жители Буэнос-Айреса.

Александр быстро пробежал глазами сделанные записи:

– «Гита» – деньги. Происходит от слова гитара. Говорят, что движения пальцев во время игры на ней и во время счёта денег очень похожи.

– «Русский» – еврей.

– «Казак» – конный полицейский.

– «Перила» – это на люнфардо дурной запах, вонь.

– «Хирург» – когда данное слово произносится с усмешкой или презрительно, то на люнфардо означает человека, копающегося в мусорных корзинах. Ведь хирург-медик копается в нашем организме, а «хирург» в помойках.

– «Сгусток» – вор.

– «Густить» – воровать.

– «Кот» – данное слово имеет множество значений: от ловкого мужчины до гомосексуалиста. Зависит от контекста разговора. Может являться и очень обидным оскорблением.

– «Болюдо» – ублюдок.

– «Киломбо» – публичный дом. Бардак. Сложные проблемы.

Слово «киломбо» Александру так понравилось, что он позже стал его даже употреблять, когда ему нужно было сильно выругаться.

В третьей части своей тетради Мальцев записывал цены в магазинах на все промышленные и продовольственные товары. Маршруты и номера трамваев. Имена и прозвища своих новых знакомых, места их работы и проживания. Александр старался штрихами рисовать их небольшие портреты и давать им краткие характеристики.

Это была кропотливая, но для него очень нужная работа. Спать он ложился часа в два ночи.

Подъём в семь часов. Физическая зарядка. Душ, тщательное бритьё. Затем завтрак: яичница, кофе с бутербродом. И обязательное чтение одной старой газеты за прошлые годы, которые он не выкинул, а аккуратно сложил на кухне.

В девять тридцать Мальцев, великолепно одетый, входил в какой-нибудь престижный ресторан или кафе, чтобы выпить чашечку кофе с двумя медиалунами, почитать утренние газеты. А самое главное – понаблюдать за людьми, которые посещали это заведение.

Потом прогулка и знакомство со столицей Аргентины. Затем следовал обед, также, в каком-нибудь в приличном ресторане. И так, каждый день, без выходных.

Глава вторая

Утро 9 июля. На улице очень холодно. Сыро, как в Ленинграде... Только я в зимнем Буэнос-Айрес. – Вздыхнул Александр и пошёл в ванную.

«Сегодня в Аргентине Национальный Праздник: День Независимости. Говорят, что на Авенида де Майо, будет парад. Надо обязательно сходить. Обязательно!» – думал Мальцев, не спеша намыливая щёки для бритья.

За три недели своего пребывания в Аргентине, правильнее сказать, в её столице Буэнос-Айресе, он многое понял и, конечно же, кое чему научился. Вот например: он заходил утром в кафе. С важным видом, вальяжно, садился за столик так, чтобы видеть всё помещение.

Официант, который его знал, пулей мчался к нему:

– Доброе утро, сеньор! – уважительно произносил он и улыбался.

Мальцев здоровался и делал заказ так, как делают его богатые аргентинцы:

– Один малюсенький и медиалуну или

– Двойной и медиалуну.

Двойной кофе от малюсенького отличался только размером чашки. Или:

– Кофе с молоком! Кофе с молоком подавался всегда в чашке для двойного кофе.

Или:

– «Слезу»! «Слеза» – это кофе с двумя – тремя каплями молока.

Когда официант приносил заказ, Александр добавлял:

– Уважаемый, газету, пожалуйста!

– Вам какую? Как всегда «Ла Насьон»? – официант весь прогибался от почтения к посетителю.

– Да, как всегда. – Отвечал Мальцев и отваливался на спинку стула.

Официанту он всегда оставлял чаевые в размере 10 процентов от стоимости заказа. Так ему посоветовали знакомые в одном из альмасенов.

Чтобы узнать, что произошло за прошедшие сутки в районе, где он жил, Мальцев останавливался у газетного киоска. Покупал журнал «Карас и Каретас» или газету «Ла Расон», а иногда что-нибудь из периодической печати Франции, в основном «Ле Монд», а также Испании.

Продавец делился с ним обо всём, что знал, что слышал. Свои предположения, мнения жителей и т. д.

Это был важнейший источник очень нужной информации, который хорошо ориентировал Александра в особенностях местной жизни.

«Мне повезло, что я живу в доме, где нет портеро (так здесь называли консерва). Ведь они знают абсолютно всё о жителях дома! И самое опасное, что портеро щедро делятся этой информацией с полицией. Но надо учитывать и то, что представители верхних социальных слоёв проживают только в престижных районах и в домах, где обязательно есть портеро. Это – неписанный закон!»

Мальцеву до сих пор не удалось выяснить, кем являются его соседи. Их было немного: всего восемь семей. Как правило работали мужчины, а женщины сидели дома, занимаясь детьми. Но почти все имели приходящую прислугу. В разговорах с продавцом газет и хозяином цветочного ларька, который находился на углу проспекта Монте-де-Ока и улицы Успальята, Александр понял, что главы семей работали в банках, на железной дороге конторскими работниками среднего уровня. Мальцев любезно здоровался с мужчинами, а женщинам сухо кивал головой. Не дай Бог муж увидит, что его жена, улыбнулась соседу! Скандал для неё был обеспечен! А Александр мог стать неблагоприятной персоной для всех жителей дома. Ведь он был холостым – потенциальным соблазнителем их жён.

Вообще в столице царил жуткий патриархат! А в аргентинской глубинке, рассказывали, было ещё страшнее. Социальные нравы европейского общества 18 века. Женщина являлась хранительницей очага и не имела никаких прав. Её благополучие, здоровье, а зачастую жизнь зависели от её мужа!

Замуж выходили по взаимной договорённости родителей невесты и жениха. Молодые могли увидеться только накануне свадьбы в присутствии родственников.

Бывало, конечно, что молодой человек видел на службе в церкви девушку, которая пришла туда со своими домочадцами, и она ему приглянулась. Тогда он узнавал, кто она, из какой семьи. Только после этого наносил визит её родителям, которым объяснял, что хочет встречаться с их дочерью с серьёзными намерениями. Если отец давал добро, то потенциальный жених появлялся в доме невесты по воскресеньям, два раза в месяц. Молодые сидели или в зале, или во дворике, на расстоянии двух-трёх метрах друг от друга и вели беседы на какие-нибудь пристойные темы. В это время рядом находился кто-то из родственников девушки и надзирал за их поведением. Такой процесс ухаживания длился год, а иногда и больше, а затем заканчивался свадьбой.

Сильный экономический кризис, потрясший мир капитализма в конце двадцатых, начале тридцатых годов, не только подорвал аграрно-финансовую мощь Аргентины, но и разрушил фундамент социальный устоев.

Из всех дальних провинций народ хлынул в столицу в поисках работы и пропитания. Денег у приезжих на «пэнсьоны», естественно не было, поэтому они занимали пустыри, где сооружали из фанеры, картона и кусков кровельного железа хижины, в которых и жили. Буэнос-Айрес быстро наполнился такими «райончиками», которые получили наименования «Виллы бедности». В Аргентине говорили «Вижи бедности».

«В этой стране полностью изуродовали прекрасный кастельянский язык. – Негодовал по этому поводу Мальцев. – Сделали какую-то упрощённую смесь с оттенками португальского произношения! Ну что теперь поделаешь? Я здесь живу и должен говорить, как аргентинцы, не выделяясь из их общей массы».

После того, как экономический кризис в Аргентине был преодолён, быстрыми темпами в стране начался процесс индустриализации. Появились большие текстильные фабрики, предприятия по производству упаковки, где требовались рабочие руки за очень низкую плату. Там и начали использовать женский труд. За несколько лет структура пролетариата в Аргентине изменилась. Большой процент её уже составляли женщины. Они зарабатывали деньги и кор-

мили свои семьи. Эти женщины сами, без мужей, могли уже ходить в церкви и посещать различные общественные мероприятия: собрания, митинги...

Большими шагами развивалась телефонная связь. Здесь тоже начали работать женщины. Они трудились операторами на телефонных станциях. Появились женщины секретари и женщины – служащие банков.

На них с презрением смотрели те мужчины, которые могли обеспечивать свои семьи и держали жён в «кулаке». Они продолжали «тормозить» общественный прогресс, поэтому патриархальные традиции давали о себе знать в Буэнос-Айресе на каждом шагу.

Мальцев убеждался в этом каждый день. Ведь если на двери ресторана висит вывеска «Сегодня у нас есть столы для дам», то это значит, что ни женатые ни, упаси Бог холостые, не имели права туда войти. Только для дам, их дочерей, их матерей и бабушек.

Если видишь вывеску «У нас сегодня есть семейные столы» – это значило, что только там сидят папы, мамы и их детишки. И никакой одинокий мужчина не имеет права засунуть туда свой нос. Будет скандал! Возможно даже с вызовом полиции, составлением протокола и других неприятностей.

Приезжих, плохо ориентирующегося в привычках и традициях портеньос (так звали себя жители аргентинской столицы), неприятности или неудобные моменты подстерегали на каждом шагу.

Мальцев всегда помнил, как он в первый раз зашёл в альмасен, в заднюю его часть. Там сидели человек пять. Они прервали разговор, ответили на приветствие и, в знак гостеприимства, старый беззубый дед протянул ему высушенную тыковку, из которой торчала ржавая трубочка.

«Они же по очереди из неё сосут матэ! На бомбиже (на истинном испанском языке бомбилья) остатки чужой слюны! Кто только из неё не пил?» – содрогнулся Мальцев.

Он стоял и глупо улыбался, не решаясь взять тыковку с залитыми тёплой водой листьями матэ.

– Ты, чё? Нас не уважаешь? – спросил дед.

Все с каким-то подозрением рассматривали Мальцева.

– А может ты «русский»? Они матэ не пьют! У них свои традиции. А ты аргентинец? Или кто? – начал допрашивать Александра худой тип в костюме, платке – галстук и шляпе.

– Конечно же я аргентинец! – широко улыбнулся Мальцев и взял тыковку.

Содрогаясь от ужаса, он сделал один глоток тёплой горькой жидкости и вернул матэ старику.

– Вот теперь видно, что ты не «русский», а христианин! «Русские» в свою церковь ходят: синагога называется. – Тонем знатока объяснил худой, а затем несколько раз кашлянул.

«А у этого типа может быть и туберкулёз в открытой форме!» – вдруг подумал Александр и у него заныло в желудке. – За добрый приём я отвечаю благодарностью. Официант, всем по стаканчику «тинто» и пикаду, разумеется! – громко объявил он.

– О вот это сразу видно, что хороший чавон! – довольно хмыкнул старик, а худой в костюме произнёс:

– Потерянный только какой-то.

После этого случая Мальцев, видя, что ему подносят тыковку с бомбижей, сразу же хватался за живот.

– Ой, нет! Спасибо! Сегодня я столько матэ выпил, что живот прихватило! – страдальческим голосом жаловался он.

Дома, сам Александр, конечно, матэ пил. Но больше ему нравилось так называемое «матэ косидо». Способ приготовления очень простой: в чайник с горячей водой, но не доведённой до кипячения, надо положить горсть молотых листьев матэ (жербы, как говорят в Аргентине). Дать настояться, а затем процедить. Получается вкусный горьковатый напиток зелёного цвета. Можно в него добавить сахара или мёда. Многие употребляют его горьким. Матэ очень бодрит и улучшает настроение.

Мальцев надел простой костюм, дешёвое пальто, ботинки на толстой подошве и обязательную шляпу.

На трамвае номер 37 он доехал за 3 сентаво до угла улицы Бернардо де Иригожен и Авениды де Мажо.

От этого произношения слова «май» Мальцева просто бесило. Он продолжал его для себя только произносить «майо».

Толпа была просто огромная. Слышалась музыка духового оркестра. Все ждали начала парада. Александр начал пробираться поближе к проспекту. В основном были одни мужчины, поэтому он ловко отталкивал одного, притирался к другому и таким образом, вскоре, оказался возле газетного киоска. Прижавшись к нему, Александр уже мог видеть маленький кусочек проспекта.

«Странно очень! Двадцатый век, женщины здесь не имеют никаких прав! Абсолютно никаких! Даже лишены права голосовать. Вот бред! А вот у нас в Советском Союзе женщины могут быть начальниками, руководителями партийных и комсомольских организаций. Вот Рябинина, например! А хотя было бы неплохо комсомольскую активистку Рябинину сюда привезти и замуж выдать за богатого старикана!» – Александр чуть не рассмеялся от этой мысли.

– Дружище, ты не можешь подвинуться? – это продавец газет начал закрывать двери своего киоска.

– Да, пожалуйста! Конечно! – Мальцев ещё плотнее вжался в ствол дерева.

«Здесь на люнфардо продавцов газет зовут «маленький кран». Странно... И никто не смог мне объяснить почему?» – усмехнулся он про себя.

Вдруг стихла музыка. До Александра донеслись звуки команд. Начался парад.

По Авенида де Майо шли колонны солдат одетых в немецкую униформу. Мальцев даже вздрогнул. Такое он видел только в кинотеатрах ещё дома, когда демонстрировали документальные фильмы.» Каски, кители, сапоги, перчатки! Всё было таким же, как у гитлеровцев! Нужно было присмотреться, чтобы найти некоторые отличия. Погоны, например, другие. Петлицы...»

«Маршируют точно также, как немецкие колонны на параде 1936 года в Берлине. Точно!» – Мальцев даже почувствовал лёгкий озноб.

Упряжки мощных лошадей тянули орудия. Гремела духовая музыка. Потом зацокала копытами конница...

Впечатление от парада было очень странным. Александр даже не мог объяснить самому себе почему. Желание находиться здесь у него резко пропало.

«Что-то гнетёт меня этот парад! Странно... Есть время, чтобы посетить «Японский парк». Потом может быть некогда». – Решил он.

Он сел на трамвай и доехал до площади Сан Мартин. Вышел у самого высокого здания Южной Америки высотой 120 метров.

«Здание Каванаг! Здание Каванаг! Ты его видел? – постоянно спрашивали у меня знакомые. – Да, уже видел и сейчас на него смотрю. Миллионершу Кору Каванаг какие-то аферисты убедили, что её имя навсегда может остаться в истории, если она построит в Буэнос Айресе что-то удивительное. Вот тётка и решила соорудить небоскрёб. Наняла архитекторов, инженеров-строителей, и они ей за 14 месяцев вылили из бетона серую башню-коробку. Ни красоты, ни радости! Хотя если деньги есть, почему не развлечься». – Мальцев окинул взглядом нелепое сооружение, возвышающееся над окрестностями.

Александр остановился у очень красивого памятника генералу Сан Мартину. «Отец нашей родины» – так зовут его аргентинцы.

Место было очень красивое: уютный парк в виде подковы обрамлял памятник.

На прошлой неделе Мальцев, совершенно случайно, попал сюда. Он заходил в «Harrods», чтобы посмотреть на цены, товары, а когда вышел, то услышал совсем рядом выкрики, усиленные громкоговорителями. Он пошёл на эти звуки.

Вокруг памятника Сан Мартину стояла небольшая толпа: человек сто, а может быть чуть больше. У многих в руках флаги гитлеровской Германии, большие фотографии фюрера.

– Хайль Гитлер! – кричал какой-то белобрысый юнец с деревянной маленькой трибуны.

– Хайль! Хайль! – десятки рук взметались в нацистском приветствии.

Мальцев замер. Он не мог поверить своим глазам. «Где это я? В Берлине или в Буэнос-Айресе?» – спросил Александр сам у себя.

– Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! – бесновались люди у памятника.

– Проклятые нацисты! – услышал за своей спиной он голос.

– Это был мужчина лет пятидесяти. В синем дорогом пальто в клеточку... Седой, с глубоким шрамом на подбородке.

– А что разве это разрешено? – недоумённо спросил у него Александр.

– Конечно же нет! Ещё в прошлом году президент страны своим декретом запретил все эти сборища! А нацистам у нас в столице, оказывается на этот запрет наплевать! И на декрет президента им наплевать! – разошёлся мужчина. – Убийцы! Убийцы!

Многочисленные прохожие тоже останавливались и смотрели на группу нацистов, выкрикивающих лозунги.

– Цок, цок, цок, цок – послышалось рядом.

Это с проспекта Санта Фе сюда спешил конный полицейский патруль.

– Всем разойтись! Требую всем разойтись! – закричал черноволосый капрал, командир прибывших «казаков».

Крики «Хайль Гитлер» немедленно стихли. С дощатой трибуны с рупором из жести в руках, не спеша спустился белобрысый парень.

– Сворачивайте флаги! Прячьте, только аккуратно, портреты фюрера! Стройся в колонну по три! – отдал он громким голосом приказ, а затем обратился к полицейским:

– Уже уходим! Уходим! Видите?

Такая наглость, даже откровенный вызов, потряс Мальцева.

«И почему здесь к нацистам такое лояльное отношение? Почему?»

По проспекту Санта Фе Александр спустился вниз к площади Ретиро. Здесь, среди огромной пустоты высилось 70 метровая башня. Очень красивая из ярко-красного кирпича. С круглыми часами. Это была «Башня англичан». Архитектурное сооружение, подаренное аргентинцам английским народом по случаю столетия Независимости Аргентины.

Слева выселись здания железнодорожного вокзала, а справа... Справа стоял огромный ангар с широкими воротами. Над ними – жестяная полукруглая арка с броской надписью, сделанной тёмно-синей краской «Японский парк».

Об этом месте Мальцев слышал каждый день. Практически все, с кем он общался, всегда у него интересовались: «А ты был в Японском парке?»

– Нет, – отвечал он.

– Как не был? Это невероятно! Ты обязательно должен его посетить! Самое большое в Южной Америке место для развлечений. – Объясняли Александру.

Но на вопрос почему парк называется «Японским», все в ответ пожимали только плечами.

У входа в ангар толпилось столько людей, что у Мальцева пропало всякое желание туда входить.

– Кабажеро! Кабажеро! – услышал он вкрадчивый голос.
Справа от него стоял мужичонка непонятного возраста.
– Не интересуетесь? – он распахнул свой пиджак.

Внутри, на подкладке, булавками были приколоты десятки порнографических фотокарточек.

– Нет, не интересуюсь! – буркнул Мальцев и, толкаясь с людьми, вошёл внутрь.

Шум, гул, треск, крики – эта какофония звуков ударила в уши. Он на несколько минут оглох. Когда же пришёл в себя, Александр стал пробираться вперёд.

В тир, где стреляли из пневматических винтовок по жестяным тарелкам, стояла длинная очередь. Одни смотрели, как стреляют те, счастливы, которые были впереди, а другие на карлика, сидевшего на длинной стойке.

Карлик был без рук, но ловко брал ступнями винтовку. Мгновенно её заряжал, используя пальцы ног. Прицеливался, продолжая удерживать её ступнями, и нажимал на спусковой крючок большим пальцем правой ступни.

– Бах! – точно в центр.

– Ну и даёт! Вот это да! – ревели от восторга зрители.

Мальцеву удалось протиснуться вперёд. Здесь слева и справа стояли какие-то механизмы для определения силы. Нужно было сильно ударить кулаком в боксёрскую грушу. Если раздавался звук серены, то это означало, что есть силушка у клиента.

Те, кому груша отвечала тишиной, стыдливо отходили в сторону.

Были аттракционы, где рыбацкой сетью надо было вытащить из коробки мячики для тенниса или быстро накрыть крышками появляющиеся на стенде дыры...

«Смертельные гонки» – такое название имели аттракционы, где водители старались управлять своими круглыми автомобильчиками так, чтобы не врезаться в друг друга.

Мальцев выстоял длинную очередь и купил целых три билета, которые стоили довольно дорого: по 50 сентаво.

Тройной сеанс «смертельных гонок» улучшил его кислое настроение. Он уже не раздражался ни от криков, ни от обилия людей.

А «Заколдованная шахта» привела его в восторг. Маленький поезд, состоявший из пяти крошечных вагонеток, мчался на большой скорости в тёмном узком туннеле. Затем вспыхнул яркий свет, от которого у него зажмурились глаза. Остановка... и вертикальное падение вниз.

Это произошло так быстро и неожиданно, что низ живота у Александра похолодел от охватившего его ужаса.

«Это, как первый прыжок с парашютом тогда, когда я обоссался от страха! – вспомнил он. – Лишь бы сейчас в штаны не наделать!»

Истеричные крики слышались впереди и сзади... Смех... А потом поезд разогнался и начал вертикально ползти по стене.

«А если он сейчас оборвётся и назад? – с тоской подумалось ему. – сейчас уссусь! Точно, обоссусь! Только бы в штаны по большому не наделать!»

Обошлось! Приехали к входу в «шахту». Мальцев вылез из вагонетки. На ватных ногах он доковылял до какого-то фанерного щита с рекламой и тщательно ощупал руками свои брюки спереди и сзади.

«Сухо! И в правду обошлось!» – вздохнул он с облегчением.

Мальцев прошёл через весь ангар. Здесь, на открытом воздухе, находились тоже множество аттракционов. Среди них – огромное колесо обозрения. Очередь к нему была длинная. Мальцев решил стоять. Очень хотелось ему посмотреть город с высоты птичьего полёта.

Впереди него стоял высокий худой молодой мужчина лет тридцати. Под руку он держал супругу, худенькую женщину в кокетливой шляпке. Лицо у неё было очень миловидное, но глаза... Печальные с выражением какой-то безысходности. Женщина крепко держала за руку болезненно худую девочку лет восьми.

Очередь двигалась медленно. Мальцев почувствовал, что хочет есть.

– Мама, я кушать очень хочу! Я кушать хочу, мамочка! – начала капризничать девочка.

– Мария, а может быть следующий раз прокатимся на колесе? Лучше пойдём что-нибудь съедим? А? – предложил мужчина.

– Давай, Нико! – согласилась она.

Они вышли из очереди и направились к палаткам, откуда тянулся сизый дымок. Мальцев пристроился за ними.

Вдоль забора стояли палатки, у входа в них на решётках жарили мясо.

– Папа, папа! Купи мне чорисо! – захныкала девочка.

– Конечно! Конечно, моя красивая! – ответил её отец и полез в карман за бумажником.

Мужчина купил три бутерброда с чорисо и два стакана газированной воды.

– Мария, я куплю себе...

– Нет, Нико! Нет! Никакого вина! – резко одёрнула его супруга.

– А говорят, что в Аргентине женщины не имеют права перечить своим мужьям! – удивился Мальцев, уже кусая ароматную, горячую колбаску, вложенную в хрустящий поджаренный на углях батон хлеба.

Девочка ела быстро, неряшливо. У неё были впалые щёки, худые, как тростинки руки. Маленький острый носик.

«Больной ребёнок». – Пришёл к выводу Александр.

– Мама, пойдем во «Дворец смеха»? – попросила девочка, с жадностью проглотив последний кусок чорисо. – Папа, а ты мне потом купишь шоколадку «Агила»?

- Конечно же куплю, моё счастье! Мария, вы идите, а я сейчас приду! – сказал мужчина.
- Нико, только один стаканчик! – с укоризной попросила Мария.
- Да, конечно!

Мать с дочерью ушли. Мужчина быстро достал бумажник, вынул несколько купюр, посчитал. Положил их обратно. Вздохнул, достал монеты и принялся их считать.

– Дружище, добрый день! Ты мне позволишь тебя угостить? Я здесь совсем один, а в абсолютном одиночестве не имею привычки есть. А? – сразу же предложил Мальцев.

Мужчина мельком посмотрел на него и протянул руку:

- Николас!
- Пабло! – пожал её Александр.

Мальцев купил по бутерброду с чорисо и по стаканчику тинто. Николас залпом выпил вино и начал есть. Мальцев купил для него ещё стаканчик тинто.

- Ты, Пабло, откуда? – спросил он, быстро поедая бутерброд.
- Я приехал из Испании, три недели назад...
- Работу ищешь, наверное? – спросил Николас и допил остатки вина.

Мальцев поднёс тому ещё стакан.

– Спасибо, дружище! Ты, я понимаю, не богатеи? – несколько заикаясь, поинтересовался Николас.

– Ты прав, я не богатеи и ищу работу. Жить то надо. Знакомых здесь тоже нет. Друзей тем более.

– А что умеешь делать? – сытно отрыгнул его собеседник.

– Шоферить могу. Только вот водительских прав нет. Там оставил. – Мальцев махнул куда-то в сторону.

– А в автомобилях понимаешь что-нибудь? Моторы, сцепление...

– Конечно! – ответил Мальцев.

– Пабло, тогда слушай меня, я могу устроить тебя в автомастерскую. Очень известная, большая мастерская. Тебе это интересно? – предложил он.

– Да, конечно. – Мальцев изобразил улыбку.

– Тогда приходи угол улицы Солис и проспекта Бельграно. Спроси Нико Родригес. Это я. Завтра же порекомендую тебя нашему хозяину и бригадиру. Меня они уважают... Тебя возьмут. Работа хорошая, платят нормально... Зарплату не задерживают. Со мной очень считаются. Работы много... Сидеть не приходится... Меня очень уважает хозяин. – Николас говорил рваными фразами.

Было видно, что он сильно опьянел. Грубое лицо Николаса, словно вырубленное из камня, покраснело. Глаза стали сонными...

– Тебя возьмут... Тебя возьмут. Я поговорю, – повторял и повторял он.

– Хорошо, Нико! Спасибо! Я обязательно через несколько дней приду. Дума...

– Папа, папа! Там во «Дворце смеха» столько зеркал разных! Я и кривая была и толстая! Ха-ха-ха – дочь Николаса теребила отца за руку. Рядом стояла его жена с недовольным лицом.

Мальцев попрощался и отошёл в сторону.

Время пролетело настолько быстро, что уже начинало темнеть, когда Александр решил возвращаться домой. Он вышел из Японского парка с другой стороны. Здесь был большой пустырь. Где-то горел тусклый фонарь. Тени людей, пьяные крики...

«Ну и местечко! Надо быстрее отсюда «когти рвать!» – решил Мальцев, и ему вспомнилось, почему-то, это выражение, которое было очень модным среди студентов их института в 1936 и 1937 годах.

– Дружище, выручай! Выручай! – к нему подошел мужичонка.

В темноте невозможно было его рассмотреть. Мальцев отпрянул.

– Да ты не бойся! Я не «сгусток! Я из Чивилькоя. Знаешь? Это двести километров от столицы. Деньги вот потратил, за билет на поезд нечем заплатить... Купи кольцо обручальное. Золотое! – мужичонка достал из кармана пиджака скомканный кусок газеты.

Долго разворачивал его. Наконец достал что-то и сунул под нос Александру.

– Вот смотри! Золотое! Дёшево отдам! Всего за 15 песо. Ну хочешь, уступлю. За 10 песо давай?

– Нет! Нет! Спасибо! – Александр развернулся и бросился бежать.

– «Котяра»! Сорвался! Давай его догоняй! – услышал он за своей спиной голос «продавца» кольца.

Мальцев приблизился к фонарю. Здесь стояла толпа. Вызывающе одетые женщины с крикливо накрашенными губами вели переговоры с потенциальными клиентами.

Две мужские фигуры отделились от толпы и направились наперерез Александру.

«Сейчас ограбят! – с тревогой подумал он. – Лишь бы не прирезали!»

Мальцев остановился и побежал назад. Затем рванул в сторону, потом свернул направо.

«Слава Богу! Трамвайная остановка. Вот и вагон скрипит... Подъезжает. Номер 37. Куда этот трамвай едет? А какая разница? Быстрее бы исчезнуть отсюда! Ну и местечко!» – Мальцев поднялся в вагон.

На следующей неделе, в среду, Александр прибыл в первую комиссарию столичной полиции.

– Добрый день, сеньор начальник! – обратился он к какому-то чину, сидящему за столом сразу же у входа, – я недели три назад подал документы для получения Седулы Национальной Идентификации.

– Наверх. Кабинет пять. – Полицейский показал пальцем в потолок.

Картонная книжечка, с его фотографией, печатями и подписями была уже готова.

– Прочитайте! Если в ваших персональных данных нет ошибки, подпишите вот здесь! – Усатый пожилой полицейский ткнул ручку в чернильницу и вручил Мальцеву, – вот здесь в журнале выдачи. Да, да в этой графе! Всё! Спасибо!

«А меня все страшали, что в полиции будут тянуть с выдачей этого документа месяца три-четыре. Никому нельзя верить!» – Александр шагал по тротуару вдоль длинного кирпичного забора.

Весь он был заклеен пожелтевшими афишами.

«1 мая этого года «Ассоциация фашистов в Аргентине» приглашает итальянцев и всех друзей Италии на торжества по случаю трёхлетнего юбилея завоевания Эфиопии славными войсками Бенито Муссолини».

Мальцев остановился, прочитал. Ещё раз прочитал...

«Что за страна? Повсюду кишат нацисты, фашисты! Устраивают свои акции, митинги! Приглашают на них всех желающих? Какая мерзость и пакость вокруг! А вообще для чего меня сюда послали?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.